

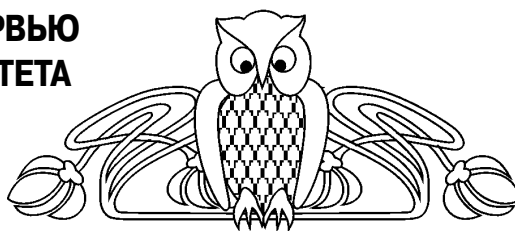

УДК 159.9.072.432

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КЛИНИЧЕСКОГО ИНТЕРВЬЮ В ИССЛЕДОВАНИИ ЯКУТСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

Н. Д. Елисеева

Елисеева Наталья Дмитриевна – кандидат психологических наук, директор Центра социально-психологической поддержки семьи и молодежи, Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия
E-mail: Eliseeva_n_d@mail.ru

Представлено обоснование выбора метода исследования с учетом не только предмета исследования, но и особенностей его объекта. Исходя из особенностей менталитета народа саха, которого относят к «культуре молчания», в качестве такого метода предлагаются метод полуструктурированного клинического интервью и интерпретация результатов с помощью микросемантического анализа. Выдвинуто предположение, что клиническое интервью позволит уточнить культурно-специфические психологические конструкты. Приведены данные анализа протоколов для демонстрации особенностей метода. Сформулирован вывод, что микросемантический анализ клинического интервью позволяет уточнить смысл и значение ответов респондентов, учитывая особенности «культуры молчания». Включение в программу исследования примера конкретного поступка (как акта деятельности) позволяет получать не гипотетические, абстрактные, а реальные дескрипторы. Автор приходит к заключению, что рассмотрение поступка как смыслообразующего фактора позволяет исследователю выделять ключевое ядро проблемы исследования.

Ключевые слова: менталитет, «культура молчания», клиническое интервью, микросемантический анализ, нравственность, социально-психологические детерминанты.

DOI: 10.18500/2304-9790-2017-6-2-119-125

Введение

Проблема менталитета в современной психологии имеет особое место и значение. Зародившись в русле исторической науки, сегодня менталитет является предметом исследования различных гуманитарных и социальных наук. Как известно, в психологии категория менталитета начала изучаться сравнительно недавно [1–4]. Методы исследования определяются, исходя из содержания и структуры, определяемого исследователем.

В этом исследовании мы учитываем схему особенности не только предмета, но и выборки исследования. На данном этапе исследования мы считаем, что системообразующей характеристикой якутского менталитета является нравственная категория «уважение», которая обобщает различные уровни отношения человека к окружающему миру, другим людям и к себе – уважение к природе, к другому народу, к другой личности, к себе.

Исследователи отмечают, что особенности общения народа саха относятся к «культуре молчания» [5–7]. Суть этого этнопсихологического понятия заключается в смысловой нагрузке пауз

в разговоре, недомолвок и недосказанного. Молчание подчеркивает значительность того, что сказано, делает акцент на необходимости осмыслить озвученное. Новая мысль, которая возникает во время паузы, не проговаривается вслух, невербальные приемы коммуникации также сводятся к незначительным элементам. Такое «молчание» активизирует мышление, дает собеседнику большую свободу в интерпретации сказанного. Помимо этого в диалоге ключевые мысли могут быть сформулированы таким образом, чтобы собеседник самостоятельно сформулировал свой вывод.

Предпосылками формирования «культуры молчания» у народа саха являются субъектное отношение к природе, анимизм религиозного учения Айыы, маленькая плотность населения на огромной территории. Субъектное отношение к природе выражается в восприятии природы как живого, полноправного, активного участника жизнедеятельности человека. Данный феномен нашел яркое выражение в религиозном учении народа Айыы: утверждается, что каждый элемент мироздания, будь то человек, его дом, животные, геологические образования, природные явления, имеет своего бога [8–11]. Общение человека с этими духами и породило «культуру молчания», зачастую это был внутренний диалог человека с самим собой.

«Культура молчания» практически в неизменном виде сохранилось и в наши дни. В проведенном нами эмпирическом исследовании имплицитных представлений современных представителей народа саха были выявлены различные проявления «культуры молчания» [12]. Респонденты считают, что нравственный человек умеет выслушать другого, он чуткий и делится своими знаниями. Подростки в качестве характеристик нравственного человека приводили такие примеры: «умеет промолчать в беседе в нужный момент», «умеет выслушать», «чуткий» и др. Наиболее ярко «культура молчания» проявилась в интервью пожилых людей в возрасте от 60 лет.

Метод исследования

Используемое в нашем исследовании клиническое интервью относится к методам, основывающимся на внутрикультурной специфике.

Большинство стандартных методик разрабатываются на основе одной культуры, в последующем ими измеряют и другие. Данный подход не может претендовать на репрезентативность и сензитивность получаемых результатов [13, 14]. Методики, основывающиеся на выбранных параметрах из самой культуры, имеют несомненное достоинство. Первопроходцами здесь являются японские исследователи Х. Азума и К. Кашиваги [15], в отечественной науке данный подход использовался Н. Л. Александровой (Смирновой) (1996), Л. Л. Гренковой (Дикевич) (1999), М. И. Воловиковой (2003, 2004) и их последователями.

На наш взгляд, метод клинического интервью наиболее чувствителен к специфике «культуры молчания». Впервые методика клинического интервью была использована Ж. Пиаже при исследовании проблемы моральных суждений. Метод позволяет выявить глубинное содержание утверждений, их основные структурные или качественные аспекты спонтанных рассуждений респондента [16]. Суть клинического интервью в психотерапии заключается в поиске индивидуально-психологических особенностей клиента и осознания им логических противоречий в своем суждении. Особенностью данного метода является способность распознавать скрытые свойства [17].

Исследовательской задачей клинического интервью является получение мировоззренческих установок, ценностей, потребностей, мотивации респондента по проблеме исследования, причем важно учитывать не только вербальные ответы, но и невербальные особенности речи респондента. Клиническое интервью разворачивается, исходя из ответа респондента, следующий вопрос формулируется для более точного и глубокого ответа на предыдущий, поэтому необходимы точность формулировки вопроса, их доступность для респондента, последовательность, беспристрастность экспериментатора. Клиническое интервью может быть полуструктурированным и свободным: первое включает обязательный перечень вопросов, во втором экспериментатор «идет» вслед за мыслью респондента. Достоинством первого варианта является возможность за короткое время получить интересующую информацию, а второго – получение наиболее полной информации [18].

Программа исследования

В нашем исследовании был применен метод полуструктурированного клинического интервью. Для раскрытия специфики клинического интервьюирования рассмотрим два протокола из двух самостоятельных исследований, являющихся этапами одного большого, направленного на изучение якутского менталитета как целостной системы различных национальных менталитетов.

В первом исследовании, в соответствии с исследованием Азума и Кашиваги [15], мы пытались

найти дескрипторы нравственного человека через изучение представлений о реальных людях, которых наши респонденты характеризовали бы как нравственных. Н. Л. Смирнова, М. И. Воловикова, использовавшие данный метод в отечественной психологии, считают, что он позволяет учитывать культурную специфику проблемы исследования [19, 20]. В нашем исследовании, вслед за М. И. Воловиковой и Л. Л. Гренковой (Дикевич), мы добавили еще один пункт в программу исследования – приведение примера поступка, доказывающего нравственность человека [21]. Данный методический подход созвучен с идеей С. Л. Рубинштейна о единстве деятельности и сознания, где поступок определяет истинную сущность человека [22]. Обязательными в программе исследования были вопросы, направленные на описание конкретного человека, которого респондент мог бы назвать нравственным, и приведение примера поступка, доказывающего его нравственность.

На втором этапе исследования осуществлялся поиск социально-психологических детерминант якутского менталитета: особенности традиционного менталитета коренных народов, его изменение после включения в единое пространство России (временные рамки – дореволюционная Россия, Советский Союз и современная Россия), а также изменение менталитета представителей других народов, связавших свою жизнь с Якутией. На этом этапе респондентов не просили подтверждать свои выводы конкретными примерами.

Для интерпретации результатов в обоих исследованиях выбран метод микросемантического анализа [20, 23]. На наш взгляд, микросемантический анализ, рассматривающий речь респондента как мыслительный процесс, учитывает не только речевые конструкции, но и паузы, особенности речи, оговорки и т. п. В исследовании сохранялась анонимность клиентов, интервьюирование велось на языке удобном для респондента (якутский/русский). На основе выделенных дескрипторов каждого протокола проводился контент-анализ и факторный анализ.

Протокол 1. М – 80 л.

Экспериментатор: Каким, на Ваш взгляд, является нравственный «Сизэрдээх» человек? (1)

Респондент: Что могу сказать, приветливый, относится к людям хорошо, по-доброму. Человек с хорошим настроением, разговорчивый. Человек, который умеет общаться с людьми независимо от возраста... человек, который учитывает, понимает горе людей, их проблемы. Чувствительный к людской беде. (1)

Экспериментатор: Есть ли на свете нравственные люди, приведите, пожалуйста, пример нравственного человека. (2)

Респондент: Это нужно спрашивать у людей, которые сейчас работают. Я сейчас не работаю, поэтому не могу сказать. (2)

Экспериментатор: Значит, нравственность проявляется в труде? (3)

Респондент: Да, нравственность – это отношение к труду. (3)

Экспериментатор: Приведите пример человека, которого именно Вы считаете нравственным. (4)

Респондент: Ну, таких людей много среди работающих. Но не могу сказать по имени... нравственные люди были среди моих соратников, в советское время. Например, директор колхоза Роман Афанасьевич Филиппов и экономист П. Е. Адамов были хорошими работниками... (4)

Экспериментатор: Как я Вас понимаю, нравственный человек – это хороший профессионал, хороший работник. (5)

Респондент: Нет, что Вы. Нравственность – это не только отношение к работе, это отношение к людям, доброта, совесть, отношения с домашними. Вот, Филиппов был не только хорошим начальником, он был уважаемым человеком не только за трудолюбие, но и за доброе отношение к окружающим, подчиненным. (5)

Экспериментатор: Приведите, пожалуйста, пример поведения, поступка, доказывающего его нравственность. (6)

Респондент: Ну, таким примером является то, что он построил большой колхозный хлев, школу для деревни, посеял пшеницу у нас. Его нравственность проявляется в том, что он был хорошим работником, начальником и все это делал из любви к людям. (6)

Анализируя данный протокол, мы видим, как некие абстрактные качества нравственного человека приобретают конкретность. В первом утверждении на общий вопрос экспериментатора (1) респондент выдает перечень качеств нравственного человека, отражающих разные аспекты его личности. Это и отношение к людям (...относится к людям по-доброму... человек, который учитывает, понимает горе людей, их проблемы. Чувствительный к людской беде), эмоциональность (...с хорошим настроением) и коммуникативность (...разговорчивый...). Человек, который умеет общаться с людьми независимо от возраста). Здесь в речи респондента много пауз, видно, что он думает и пытается определить качества, присущие нравственному человеку.

На второй вопрос экспериментатора респондент не отвечает прямо, и это одно из свойств «культуры молчания» (Это нужно спрашивать у людей, которые сейчас работают), но в следующем предложении дает подсказку для ответа (Я сейчас не работаю, поэтому не могу сказать). Здесь мы впервые видим, как выражается личностная позиция респондента: труд является главным условием для самовыражения человека. Это подтверждается третьим утверждением (Да, нравственность – это отношение к труду). Здесь следует обратить внимание не только на содержание предложения, но и на особенность семантического построения фразы. Предложение отличается лаконичностью и завершенностью (гештальт). На наш взгляд, третье утверждение является переходным, далее мысль

развивается, и респондент приводит несколько примеров (...Роман Афанасьевич Филиппов и экономист П. Е. Адамов). Но и утверждение не является конечным психологическим конструктом, о чем свидетельствует наличие пауз (были хорошими работниками...). Чтобы респондент развил свою мысль, экспериментатор еще раз спрашивает, что же является ведущим качеством нравственного человека. Этот прием – формулирование вопроса исходя из сути ответа респондента – является главным условием клинического интервью. В последовавшем утверждении мы видим эмоциональный отклик респондента на обсуждаемую проблему (Нет, что Вы).

Здесь можно отметить, что «культура молчания» помимо всего прочего подразумевает и эмоциональную сдержанность, поэтому наши респонденты в выражении эмоций были крайне осторожны. В этом утверждении раскрывается содержание качеств нравственного человека (...это не только отношение к работе, это отношение к людям, доброта, совесть, отношения с домашними. Вот, Филиппов был не только хорошим начальником, он был уважаемым человеком не только за трудолюбие, но и за доброе отношение к окружающим, подчиненным). Мы видим, что респондент делает свой выбор из двух примеров, приведенных в предыдущем утверждении. Далее, в шестом ответе, респондент подтверждает нравственность человека конкретными поступками (...построил большой колхозный хлев, школу для деревни, посеял пшеницу у нас). Более того, свою речь респондент подытоживает фактором, обуславливающим нравственность данного конкретного человека (...из любви к людям).

Из протокола данного интервью можно сделать вывод, что центральным качеством нравственного человека является уважение по отношению к людям, нравственные поступки – поступки ради людей.

Протокол 2. М. – 64 года.

Экспериментатор: Опишите менталитет народа саха. (1)

Респондент: Выносливый, думает, прежде чем принимать решения, иногда слишком долго думает (смеется). (1)

Экспериментатор: Какие факторы способствовали тому, чтобы у саха сформировалось качество выносливости? (2)

Респондент: Якуты привыкли выполнять однообразную работу. Сенокос, сбор топлива, но современное поколение, кажется, другое... (2)

Экспериментатор: Какое оно, современное поколение? (3)

Респондент: Сегодня мало физического труда. Современное поколение не привыкло работать. Они не хотят работать руками. Отсюда они не выносливые, не целеустремленные, не могут себя побороть, да и мышление слабеет... (3)

Экспериментатор: Что хорошего есть в современном поколении? (4)

Респондент: Более открытые, умеют выражать свои мысли. (4)

Экспериментатор: Сколько лет представителям современного поколения, кого Вы относите к ним? (5)

Респондент: Менее 30 можно сказать... Они более изменились. 30–40-летние люди это люди как бы между, потом уже старое поколение... Мне кажется, что человека формирует отношение к работе и к Родине. Сейчас люди не стремятся к себе деревню. (5)

Экспериментатор: Что вы скажете о людях, которые работают в городах, а летом выезжают в отпуск домой, на охоту и т. п.? (6)

Респондент: Это как остатки наверное... (6)

Экспериментатор: Чем отличаются северные коренные народы от саха? (7)

Респондент: Я не могу ответить, я не эксперт. (7)

Экспериментатор: Изменился ли менталитет саха с принятием православия? (8)

Респондент: Православие еще не оказало сильного влияния на менталитет саха. Можно сказать, что есть какие-то ростки, но сказать, что оно проникло массово в сознание людей, рано. Раньше религию людям навязывали через войны. Сейчас не так. Православное христианство – религия славянская. Даже сегодня сложно сказать, что русские полностью приняли православие. Три века прошло, как саха познакомились с православным христианством. До установления Советского Союза саха активно придерживались своей религии. В XX веке вставал вопрос о том, есть ли у саха своя религия? Но несмотря на все, религия наша сохранилась, и ее видно в нашем языке, в быту. С 1937 по 1950 гг. запрещали ысыах. Совсем недолгое время. Потом под видом культурной традиции возобновили. Вот так сильна у нас религия. Те, кто тогда говорил, что у нас нет религии сейчас, начали верить, что она есть. Только она на ноги еще не встала. Религия имеет внутреннюю и внешнюю стороны. Внутренняя сторона у нас имеется, внешняя еще не сформировалась. (8)

Экспериментатор: Саха считают себя «детьми природы», как Вы это понимаете? (9)

Экспериментатор: Я забыл сказать, что одной из особенностей народа саха является его отношение к природе. У нас человек не пытается соревноваться с природой, не покоряет ее. В глазах западной философии, может, это наш недостаток, но хорошая или плохая – это наша особенность. Сейчас этот вопрос приобретает все большую актуальность. Хотелось бы, чтобы наше отношение к природе распространилось и на другие народы. Как это может произойти не знаю... (9)

Экспериментатор: Когда представители другого народа переезжают в Якутию, у них менталитет меняется? (10)

Респондент: Точно меняется. Я сам не видел, но мне рассказывали, что водители придержива-

ются ритуалов на трассе. Почему так происходит, я не знаю. Я не знаю их характер. Знаю, что меняется отношение к природе... (10)

Экспериментатор: Что меняется в самом человеке, когда меняется его отношение к природе? (11)

Респондент: Я человек старый. Поэтому тайгу, озера вижу как живых людей. Поэтому человек не может смотреть спокойно, когда горят леса. Отсюда рождается гуманизм, жалостливость и другие качества... (11).

Еще одной особенностью народа саха является пестование нового поколения. Мне кажется, что это есть только у нас. Насколько я знаю, у других народов (под другим народом я понимаю русских, так как других-то и не знаю) такого нет, а может и есть где-то... Мне кажется в русском языке даже прямого перевода этого слова нет. Это понятие есть в древнем эпосе Олонхо. Например, старшая сестра Белая Шаманка спасает богатыря Айбы, Нюргун Боотур своего младшего брата Юрюнг Уолан. У саха есть понятие «Человек богат своими детьми». Саха дают свое имя своему самому лучшему ребенку. Другие народы это не понимают, иногда порицают. Это свидетельство нашего практического мировоззрения. Мы не верим, что попадем в рай после смерти или переродимся, мы хотим увековечить себя в своих детях. (12)

Второй протокол по объему превышает первый, это обусловлено программой исследования: здесь три обязательных вопроса вместо двух. Приступим к анализу протокола.

Первые два ответа на вопросы экспериментатора, по сути, являются погружением в предмет интервью. Первое утверждение отличается лаконичностью, завершенностью. Ироническое отношение респондента к своему ответу может интерпретироваться по-разному, являться защитным механизмом, уходом от темы и т. п.

Внимания заслуживает развитие мысли респондента об особенностях молодого поколения со второго по пятое утверждения – через частицу не респондент перечисляет традиционные качества народа саха (...не выносливые, не целеустремленные, не могут себя побороть, да и мышление слабеет...). Более подробно рассмотрим этапы мышления респондента. Во втором утверждении он начинает размышлять, об этом свидетельствует незавершенность фразы (но современное поколение, кажется, другое...). Кроме того, он сомневается и не дает точной формулировки (...кажется...). Просьба экспериментатора дать характеристику современной молодежи способствует развертыванию мыслительного процесса. Так, вначале факт констатируется (Сегодня мало физического труда), затем оценивается как отрицательный (Современное поколение не привыкло работать. Они не хотят работать руками). Далее респондент делает вывод (Отсюда они не выносливые, не целеустремленные, не могут себя побороть, да и мышление слабеет...). В то же вре-

мя респондент не завершает свою мысль, делает паузу для размышления.

Вопрос о положительных качествах современного поколения (4) является проверочным: выясняется, возможно ли развитие мысли респондента в этом направлении. Но по скорости ответа и сформулированности фразы видно, что мыслительная активность здесь сведена к нулю. В этой фразе нет невысказанности, неопределенности или паузы, характеризующей значимость фразы, свойственной «культуре молчания».

Таким образом, респондент считает, что в целом современниками утеряны традиционные качества. Временные параметры изменения в менталитете народа саха четко озвучиваются (... менее 30 можно сказать... Они более изменились. 30–40-летние люди это люди как бы между, потом уже старое поколение...). Вхождение народа саха в состав большого государства в XVII веке, принятие новой религии – православия, по мнению респондента, не оказали сильного влияния на менталитет саха (8). Остается открытым вопрос: почему современное поколение изменилось – в силу событий последних десятилетий или в силу воспитания родителями?

Интересна мысль, прозвучавшая в пятом утверждении (мне кажется, что человека формирует отношение к работе и к Родине). Из следующего утверждения (7) мы видим, что респондент, говоря о Родине, понимает малую родину.

Респондент считает отношение к природе основополагающим качеством менталитета. Субъектное отношение к ней формирует его особенности (... Отсюда рождается гуманизм, жалостливость и другие качества... 11) Это свидетельство нашего практического мировоззрения... 12). Такое отношение, с точки зрения респондента, основной фактор, влияющий на изменения менталитета представителей других народов (Я сам не видел, но мне рассказывали что водители придерживаются ритуалов на трассе. Почему так происходит, я не знаю. Я не знаю их характер. Знаю, что меняется отношение к природе... 10). На наш взгляд, именно в этом утверждении (11) проявляется глубинное убеждение респондента. Аппелляция к личным переживаниям (Я человек старый. Поэтому тайгу, озера вижу как живых людей. Поэтому человек не может смотреть спокойно, когда горят леса) является демонстрацией перехода рассуждений на личностный уровень.

На основе анализа данного протокола можно сделать следующие выводы: к традиционным особенностям менталитета народа саха относятся субъектное отношение к природе, выносливость, жалостливость, прагматизм, патриотизм, гуманизм. Наибольшие изменения в менталитете народа произошли в последние 30 лет, наиболее значимым из них является снижение уровня патриотизма, под которым подразумевается отношение к малой родине. Произошло изменение

менталитета представителей других народов, связавших свою жизнь с Якутией, оно обусловлено принятием субъектного отношения к природе, и это отношение влияет на широкий круг экзистенциальных, межличностных и личностных качеств личности. Особенностью данного протокола является обращение респондента к литературным, историческим, фольклорным фактам, не ограниченным личным опытом.

Заключение

Клиническое интервью позволяет исследователю выяснить глубинные личностные переживания клиента, в то же время данная методика требует от исследователя особой внимательности и погруженности в ситуацию эмпирического исследования. Метод клинического интервью улавливает культурную специфику, а добавление в программу исследования примера поступка (как акта деятельности) позволяет получать не гипотетические, абстрактные, а реальные дескрипторы. Конкретный поступок как смыслообразующий фактор дает возможность интерпретировать описание человека вокруг его ключевого ядра, так как именно поступок, который запомнился респонденту, является показателем того, что он считает нравственным или свойственным якутскому менталитету. Для исследования социально-психологических детерминант якутского менталитета, определения его структуры необходимо включить в программу исследования пункты о реальном человеке, которого респондент может назвать представителем традиционной культуры и современного поколения, а также о поступке, доказывающем его соотнесенность с традиционной культурой и современным поколением.

Библиографический список

1. *Вальцев С. В.* Национальный менталитет как предмет этнопсихологического исследования // Проблемы современной науки и образования. 2012. № 9. С. 22–25.
2. *Губанов Н. Н.* Эпистемологический статус категории «менталитет» // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Филология. 2009. № 2. С. 71–84.
3. *Кольцова В. А.* Российский менталитет как предмет социально-психологического исследования // Историогенез и современное состояние российского менталитета / отв. ред. В. А. Кольцова, Е. В. Харитонова. М., 2015. С. 5–19.
4. *Юревич А. В.* К проблеме базовых компонентов национального менталитета // Психол. журн. 2013. Т. 34, № 4. С. 89–100.
5. *Маак Р. К.* Виллойский округ. 2-е изд. М., 1994. 592 с.
6. *Серошевский В. Л.* Якуты. Опыт этнографического исследования. М., 1993. 736 с.
7. *Ярославский Е.* О Якутии (труды дореволюционного периода) / сост. П. У. Петров, В. Ф. Иванов. Якутск, 1979. 132 с.

8. Макаров Е. Д. Основы экологического воспитания. Якутск, 2001. 167 с.
9. Новиков А. Г. О менталитете саха. Якутск, 1996. 145 с.
10. Портнягин И. С. Этнопедагогика «Кут-сур». М., 1999. 164 с.
11. Саввинов А. С. Человек через призму «Кут-сур». Якутск, 1995. 112 с.
12. Елисеева Н. Д. Социальные представления народа саха о нравственном человеке : дис. ... канд. психол. наук. М., 2004. 177 с.
13. Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999, 224 с.
14. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 1999. 320 с.
15. Azuma H., Kashiwagi K. Descriptors for an intelligent person : a Japanese study // Japanese Psychological Research. 1987. Vol. 1. P. 17–26.
16. Пиаже Ж. Психология интеллекта. СПб., 2003. 192 с.
17. Бодаев А. А. Психология общения : энцикл. словарь. М., 2011. 600 с.
18. Репина Н. В., Воронцов Д. В., Юматова И. И. Основы клинической психологии. Ростов н/Д, 2003. 480 с.
19. Александров Ю. И., Александрова Н. Л. Субъективный опыт, культура и социальные представления. М., 2009. 320 с.
20. Воловикова М. И. Представления русских о нравственном идеале. М., 2004. 312 с.
21. Воловикова М. И., Гренкова Л. Л. Современные представления о порядочном человеке // Российский менталитет : вопросы психологической теории и практики. М., 1997. С. 93–111.
22. Рубинштейн С. Л. Человек и мир. СПб., 2012. 224 с.
23. Брушлинский А. В. Мышление и прогнозирование. М., 1979. 230 с.

Образец для цитирования:

Елисеева Н. Д. Использование клинического интервью в исследовании якутского менталитета // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2017. Т. 6, вып. 2 (22). С. 119–125. DOI: 10.18500/2304-9790-2017-6-2-119-125.

Use of Clinical Interview for the Yakut Mentality Studies

Natalia D. Eliseeva

Center for Social and Psychological Support of Families and Youths, Sakha (Yakutia) Republic
21, Kalandarashvili str., Yakutsk, 677013, Sakha (Yakutia) Republic, Russia
E-mail: Eliseeva_n_d@mail.ru

The paper presents rationale for the choice of research method, taking into account not only the subject of the research, but also characteristics of the object of the research. Based on the features of the mentality of the Sakha people, which are referred to the «silence culture», we propose the method of semi-structured clinical interviews and interpretation of results using microsemantic analysis. It is suggested that the clinical interview will clarify specific cultural psychological constructs. To demonstrate the features of the method, the protocol analysis was presented. It is concluded that microsemantic analysis of the clinical interview allows to specify the meaning of responses, taking into account the specifics of the «silence culture». It is shown that inclusion of an example of a specific act in the research programme allows to obtain not hypothetical or abstract, but real descriptors. The author concludes that consideration of an act as a semantic factor allows the researcher to highlight the key core of the researched problem.

Key words: mentality, «silence culture», clinical interview, microsemantic analysis, morality, social and psychological determinants.

References

1. Val'tsev S. V. Natsional'nyy mentalitet kak predmet etnopsikhologicheskogo issledovaniya (National mentality as subject of ethno-psychological research). *Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya* (Modern problems of science and education), 2012, no. 9 (9), pp. 22–25 (in Russian).
2. Gubanov N. N. Epistemologicheskii status kategorii mentalitet (Epistemological status of category of mentality). *Vestn. Voronezh. gos. un-ta. Ser. Ffilosofiya* (Proceedings of Voronezh State University. Ser. Philosophy), 2009, no. 2, pp. 71–84 (in Russian).
3. Kol'tsova V. A. Rossiyskiy mentalitet kak predmet sotsial'no-psikhologicheskogo issledovaniya (Russian mentality as subject of socio-psychological research). *Istoriogenez i sovremennoe sostoyanie rossiyskogo mentaliteta* (Estrogenes and current state of Russian mentality). Eds. V. A. Kol'tsova, E. V. Kharitonova. Moscow, 2015, pp. 5–19 (in Russian).
4. Yurevich A. V. K probleme bazovykh komponentov natsional'nogo mentaliteta (To problem of basic components of national mentality). *Psikhologicheskii zhurnal* (Psychological Journal), 2013, vol. 34, no. 4, pp. 89–100 (in Russian).
5. Maak R. K. *Vilyuyskiy okrug* (Vilyui district). 2nd ed. Moscow, 1994. 592 p. (in Russian).
6. Seroshevskiy V. L. *Yakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya* (Yakuts. Experience of ethnographic research). Moscow, 1993. 736 p. (in Russian).
7. Yaroslavskiy E. *O Yakutii (trudy dorevol'yutsionnogo perioda)* (Yakutia {works of pre-revolutionary period}). Compil P. U. Petrov, V. F. Ivanov. Yakutsk, 1979. 132 p. (in Russian).
8. Makarov E. D. *Osnovy ekologicheskogo vospitaniya* (Foundations of environmental education). Yakutsk, 2001. 167 p. (in Russian).
9. Novikov A. G. *O mentalitete Sakha* (About Sakha's mentality). Yakutsk, 1996. 145 p. (in Russian).
10. Portnyagin I. S. *Etnopedagogika «Kut-sur»* (Ethno-pedagogics «Kut-sur»). Moscow, 1999. 164 p. (in Russian).
11. Savvinov A. S. *Chelovek cherez prizmu «Kut-sur»* (People through the prism of «Kut-sur»). Yakutsk, 1995, 112 p. (in Russian).

12. Eliseeva N. D. *Sotsial'nye predstavleniya naroda sakha o npravstvennom cheloveke*: dis. ... kand. psikhol. nauk (Sakha people's social representations of moral person: diss. ... cand. of psychology). Moscow, 2004. 177 p. (in Russian).
13. Lebedeva N. M. *Vvedenie v etnicheskuyu i kross-kul'turnuyu psikhologiyu* (Introduction to ethnic and cross-cultural psychology). Moscow, 1999. 224 p. (in Russian).
14. Stefanenko T. G. *Etnopsikhologiya* (Ethno-psychology). Moscow, 1999. 320 p. (in Russian).
15. Azuma H., Kashiwagi K. Descriptors for an intelligent person: a Japanese study. *Japanese Psychological Research*, 1987, vol. 1, pp. 17–26.
16. Piazhe Zh. *Psikhologiya intellekta* (Psychology of intelligence). St. Petersburg, 2003, 192 p. (in Russian, trans. from French).
17. Bodalev A. A. *Psikhologiya obshcheniya*. Entsiklopedicheskii slovar' (Psychology of communication. Encyclopedic dictionary). Moscow, 2011, 600 p. (in Russian).
18. Repina N. V., Vorontsov D. V., Yumatova I. I. *Osnovy klinicheskoy psikhologiya* (Basics of clinical psychology). Rostov-on-Don, 2003, 480 p. (in Russian).
19. Aleksandrov Yu. I., Aleksandrova N. L. *Sub'ektivnyy opyt, kul'tura i sotsial'nye predstavleniya* (Subjective experience, culture and social representations). Moscow, 2009. 320 p. (in Russian).
20. Volovikova M. I. *Predstavleniya russkikh o npravstvennom ideale* (Russians' representations of moral ideal). Moscow, 2004. 312 p. (in Russian).
21. Volovikova M. I., Grenkova L. L. *Sovremennye predstavleniya o poryadochnom cheloveke* (Modern ideas of decent person). *Rossiyskiy mentalitet: voprosy psikhologicheskoy teorii i praktiki* (Russian mentality: issues of psychological theory and practice). Moscow, 1997, pp. 93–111 (in Russian).
22. Rubinshteyn S. L. *Chelovek i mir* (Person and world). St. Petersburg, 2012. 224 p. (in Russian).
23. Brushlinskiy A. V. *Myshlenie i prognozirovanie* (Thinking and forecasting). Moscow, 1979. 230 p. (in Russian).

Cite this article as:

Eliseeva N. D. Use of Clinical Interview for the Yakut Mentality Studies. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2017, vol. 6, iss. 2 (22), pp. 119–125. DOI: 10.18500/2304-9790-2017-6-2-119-125.
